

ь ведёт домой.

другого мира. Вместе
олжает путь к Сердцу
у потерянных вещей,
ей и Мост правды.

, тем труднее отличить
чание — от обмана,
— от опасности.

йну о своей семье.
становится всё ближе.
етер приносит слова,
няют всё...

смелости и дружбе,
оворить правду.

КСИМ, 2026

Дед и ГранРем

2

Д Гра Путешестви

Кочетов
и С

Максим Кочетовский

«Дея и ГранГрем. Путешествие к Сердцу Дорог» Книга 2

<https://litres.ru/74538162>

SelfPub; 2026

Аннотация

Во второй книге Дея возвращается в обычный мир, но после всего пережитого он уже не кажется ей таким простым, как раньше. Садик, друзья, обиды, ревность, первые разочарования — всё это неожиданно становится не менее важным испытанием, чем сказочные дороги.

Тем временем граница между мирами начинает вести себя странно, а путь к Сердцу Дорог становится всё опаснее. Дея впервые оказывается в сказочном мире одна, учится сама выбирать, кому верить, кого прощать и какие двери больше не стоит открывать. Её дружба с ГранГремом тоже меняется: между ними появляются вопросы, на которые нельзя ответить шуткой или молчанием.

Ярмарка потерянных вещей, Город забытых дверей, древний Мост правды и следы прошлого постепенно приближают их к тайне, которую ГранГрем носил в себе много лет.

А Тот, Кто Идёт Следом, становится всё ближе.

И чем ближе он подходит, тем яснее становится: возможно, они с самого начала неправильно понимали, за кем именно он идёт и чего на самом деле хочет.

Максим Кочетовский

«Дея и ГранГрем.

Путешествие к Сердцу

Дорог» Книга 2

Кочетовский Максим
и ChatGPT

Дея и ГранГрем

Путешествие к Сердцу Дорог

Книга вторая

2026

Дея и ГранГрем

Путешествие к Сердцу Дорог Книга вторая

Текст: Кочетовский Максим при творческом участии
ChatGPT.

Иллюстрации созданы с помощью генеративного искусственного интеллекта.

Полное издание с переработанной пятой главой
«Город забытых дверей».

© Кочетовский Максим, 2026

Содержание

Два часа	5
По ту сторону ветра	23
Ветер в закрытом окне	40
Ярмарка потерянных вещей	63
Город забытых дверей	89
Мост правды	105
Голос после двери	139

4

КНИГА ВТОРАЯ ГЛАВА ПЕРВАЯ

5

Два часа

Сначала мама просто позвала её.

Дея!

Не громко. Так зовут ребёнка, который секунду назад сидел в песочнице, а теперь, наверное, спрятался за горкой, побежал к качелям или увидел возле куста что-нибудь чрезвычайно важное. Мама ещё несколько мгновений сидела на скамейке, ожидая ответа. Скрипнули качели. По дорожке прогрохотал самокат. За оградой кто-то хлопнул дверцей машины. Дея не ответила. Мама поднялась. В песочнице стояли две маленькие башни. Между ними тянулась невысокая стена. У ворот остался грузовик мальчика, с которым Дея играла совсем недавно. В кузове темнел мокрый песок.

Красной лопатки не было. Деи тоже. Мама посмотрела к качелям, потом к горке. Несколько детей ещё катались, но знакомой голубой куртки среди них не оказалось. Она обошла песочницу.

—

Дея?

За горкой лежал смятый пакет. Ветер шевелил его край, и на секунду маме показалось, что там кто-то сидит. Она нагнулась. Никого. Тогда позвала громче:

—

Дея!

Женщина на скамейке повернула голову. Мальчик с грузовиком посмотрел на пустое место возле песочных башен.

—

Она

друга
ждала,

—

сказал
он. Мама остановилась.

—

Какого
друга?

1

Мальчик пожал плечами.

6

—

Не
знаю.

Она
сказала

—

друга.

—

А
куда
она
пошла?

Он показал куда-то за площадку. Неуверенно. Там были деревья, дорожка и ещё одна скамейка. Мама быстро дошла

до кустов. Дорожка просматривалась почти до самого поворота. На ней никого не было. Только сухой лист волочился по асфальту, всякий раз цепляясь за одну и ту же трещину.

—

Дея,
выходи.
Мы
домой
пойдём.

Она подождала. Почему-то именно после этих слов стало тревожно. Обычно Дея начинала спорить. Просила ещё чуть-чуть. Объясняла, что нельзя уходить, потому что башня ещё не достроена или кукле негде жить. Сейчас никто не спорил. Мама обернулась к площадке. Ещё ничего не случилось. Прошло всего несколько минут. Ребёнок мог отойти, спрятаться, побежать за кошкой. Всё это она знала. Но сердце уже билось слишком быстро.

—

Дея!
Теперь голос был совсем другим.

Через десять минут её искал весь двор. Мама переходила с бега на быстрый шаг и снова бежала. Заглядывала за машины, обходила подъезды, наклонялась к низким подвальным окнам. Из одного окна пахло сыростью. За пыльным стеклом ничего нельзя было разглядеть. Она постучала по нему

костяшками пальцев.

—

Дея?

Никто не ответил.

—

Девочку

не

видели?

Маленькая,

светлые

волосы.

Голубая

куртка, розовые брюки...

2

Она показывала ладонью рост. Потом доставала телефон, открывала фотографию, подносила экран к чужому лицу. Сначала люди отвечали спокойно. Нет, не видели. Потом смотрели на маму внимательнее. Кто-то откладывал пакет с продуктами. Кто-то доставал свой телефон. Женщина, которая собиралась уходить, вернулась к площадке и стала звать вместе с ней.

7

—

Давно

пропала?

Мама вздрогнула. Слово было неправильным. Дея не пропала. Она просто... Продолжение не находилось. Просто где-то здесь. Совсем рядом. Сейчас отзовётся. Мама снова вернулась к песочнице. Башни стояли на прежнем месте. Грузовик тоже. Всё выглядело так, словно девочка отошла на минуту и сейчас вернётся поправить стену. Мама присела и заглянула под скамейку. Она уже смотрела туда. Знала, что там никого нет.

Всё равно заглянула. Потом позвонила папе. Он ответил почти сразу:

—

Да?

Она хотела сказать спокойно. Так, чтобы он не испугался раньше времени.

—

Деи
нет.

На другом конце стало тихо. Даже какой-то посторонний шум исчез, словно папа отошёл в сторону.

—

Я
на
площадке,

—

быстро
продолжила

мама.

—

Она

здесь сидела. Я уже всё обошла. Подъезды, горку... Я не знаю, куда она...

—

Я

еду.

Позвони

в

полицию.

Я

сейчас.

Он не стал говорить, что она наверняка где-нибудь играет. И от этого стало ещё страшнее. Мама некоторое время держала телефон возле уха, хотя звонок уже закончился. Потом набрала другой номер. Её попросили назвать адрес.

3

Она знала его много лет. И всё-таки на секунду забыла номер дома. Пришлось поднять голову и посмотреть на табличку.

8

Папа приехал с расстёгнутой курткой. Остановился перед мамой, положил руки ей на плечи и спросил:

—
Покажи,
где
ты
её
видела.

Она указала на песочницу. Потом на скамейку. Между ними было несколько метров. Ни дерева. Ни стены. Ничего, что могло бы закрыть ребёнка надолго. Папа посмотрел на это расстояние и ничего не сказал. Мама увидела, как у него напруглась щека. Она уже десятки раз проходила эти несколько метров в голове. Пыталась вспомнить, куда повернулась. На сколько секунд. Что слышала. Кто прошёл мимо.

Но память возвращала только отдельные, бесполезные вещи. Чужой пакет на скамейке. Мяч возле ограды. Деину макушку над песочной стеной. Момент, когда дочь исчезла, в памяти не было. Папа сам обошёл площадку. Потом ещё раз. Под горкой пришлось опуститься на одно колено. Он испачкал брюки, но даже не посмотрел на них. Раздвинул кусты, прошёл вдоль машин, заглянул между стеной дома и металлическим ограждением.

Делал всё быстро, почти молча. Только когда доставал телефон, мама заметила: он не сразу попал пальцем по экрану. Рука дрожала. Постепенно двор наполнился людьми, которые больше не гуляли. Они искали. Это было видно по тому, как двигались их головы, как они задерживались возле

тёмных промежутков, как заглядывали туда, куда в обычный вечер никто бы не посмотрел. Кто-то пошёл к магазину. Кто-то — в соседний двор. Две женщины проверяли подъезды. Мужчина принёс фонарик, хотя ещё не совсем стемнело.

4

Мальчик с грузовиком оставался возле песочницы. Мама держала его за плечо. Когда он сделал шаг к дорожке, её пальцы сразу сжались крепче.

9

—

Я

только

туда

посмотрю...

—

Нет.

Рядом

со

мной.

Он перестал вырываться. Грузовик так и стоял у ворот Деиного замка.

Прошёл час. Потом ещё немного. Ночь опускалась незаметно, пока все смотрели вниз — под машины, под скамейки, в траву. Когда мама наконец подняла голову, небо меж-

ду домами уже стало тёмным. Зажглись фонари. Один возле качелей загудел, мигнул и разгорелся неровным жёлтым светом. Всё за его светлым кругом теперь казалось ещё темнее. Знакомый двор изменился. Днём мама знала здесь каждый куст. Теперь за каждым кустом обнаруживалось место, которого она будто никогда раньше не видела.

Узкая щель за гаражом. Провал между мусорными контейнерами. Тёмный проход под балконами. Она проверяла их снова. В одном из подъездов сверху слышались быстрые маленькие шаги. Мама рванула дверь на себя.

—

Дея!

На лестнице стоял незнакомый мальчик в пижаме. За ним спускалась женщина с мусорным пакетом. Оба испуганно посмотрели на неё.

—

Простите,

—

сказала

мама.

И вышла. На улице пришлось остановиться и опереться ладонью о стену. Ноги на секунду стали ватными. Она уже не могла бегать. Только быстро ходила, временами забывая, в какой подъезд собиралась зайти и какой только что проверила. Телефон был тёплым от ладони. Каждый раз, когда он звонил, внутри всё резко поднималось. Нашли.

Каждый раз оказывалось, что пока нет. Спрашивали, есть ли новости. Уточняли одежду. Говорили, какой двор уже посмотрели.

10

Мама отвечала и сразу начинала ждать следующего звонка. В голову приходили мысли, которых она не позволяла себе додумать. Возле дороги... Нет. Если кто-то... Нет. Она открывала рот и снова звала дочь. Пока произносишь имя, можно не произносить ничего другого.

—

Почти

два

часа,

—

сказал

папа

в

телефон.

Мама стояла рядом и слышала. Два часа. Она посмотрела на песочницу. Два часа назад Дея сидела там и строила стену. Два часа назад можно было просто подойти, поправить ей воротник, смахнуть песок с коленей. Можно было взять за руку. Как странно, что раньше для этого вообще ничего

не требовалось. Нужно было только протянуть руку. Мама закрыла глаза. И вдруг вспомнила яблоко.

Утром Дея оставила на тарелке маленький кусочек.

—

Доешь,

—

сказала

мама.

—

Не

хочу.

—

Ну

тогда

потом.

Обычный разговор. Она даже не посмотрела тогда на дочь как следует. Убирала со стола, думала о чём-то другом. А теперь отчётливо увидела этот кусочек яблока. Светлую мякоть. Тонкую полоску кожуры. След маленьких зубов. Мама прижала ладонь ко рту. Ей хотелось услышать «не хочу». Пусть Дея спорит. Пусть сердится. Пусть топает ногой и отказывается надевать шапку. Только бы услышать.

Папа убрал телефон и подошёл к ней.

—

Найдём.

Она посмотрела на него. Он повторил:

—
Найдём.

6

Но не смог удержать её взгляд. И мама поняла: ему тоже было страшно настолько, что больше ничего он сейчас сказать не мог.

11

А потом Дея появилась. Никто не увидел, как она пришла. Она не выбежала из-за горки. Не открыла дверь подъезда. Не прошла по дорожке между деревьями. Просто в песочнице, где совсем недавно никого не было, снова стояла девочка. Рядом лежала красная лопатка. Одна из башен немного осыпалась. Дея смотрела на неё так, словно никогда раньше не видела песочного замка.

Сначала она почувствовала холод. Не тот, который щипал лицо у Дома на краю ветров. Другой — снизу, от песка, пробравшегося к краю ботинка. Потом слышала качели. Короткий скрип. Пауза. Ещё один. Дея подняла голову. Только что вокруг неё вращались флюгеры. Гудели канаты. ГранГрем тянулся к её рукаву. А теперь перед ней стояла горка. За горкой — обычный дом.

Над домом — чёрное небо. Дея разжала пальцы. Рука была пустой. Она ещё чувствовала прикосновение ГранГрема,

но его ладони больше не было. Компас остался у него. Дея помнила открытую крышку. Серебряный круг вместо стрелки. Пальцы, крепко сжатые вокруг потемневшего металла. Она оглянулась. Дорожка за площадкой уходила между деревьями. Обычная дорожка. Никакого ветра. Никакого дома над облаками.

—

ДЕЯ!

Она узнала мамин голос, но не сразу повернулась. В голове было что-то незнакомое. Что-то, от чего захотелось одновременно откликнуться и спрятаться. Между кустами двигался свет. Луч фонарика скользнул по ограде и исчез за

7

горкой. Дея увидела папу. Почему папа здесь? Почему все ходят с фонариками? Она переводила взгляд с одного взрослого на другого, пытаюсь понять, что произошло, пока её не было.

12

Мама вышла из-за кустов с телефоном возле уха. Увидела её. И остановилась. Папа обернулся на мамин внезапно оборвавшийся голос. Тоже замер. Несколько мгновений никто из них не двигался.

—

Она здесь, — сказал папа.

Тихо.

Словно
боялся,
что
ошибся.

Мама первой подошла к песочнице. Потом почти побежала.

—

Дея...
Ты
где

была?

Девочка посмотрела на неё снизу вверх. На мокрые глаза. На растрепавшиеся волосы. На руку с телефоном, которая никак не могла опуститься спокойно.

—

А

почему

вы

меня

ищете?

8

Мама прижала пальцы к губам. Папа присел с другой стороны. Фонарик в его руке осветил песок у Деиных ног.

13

—

Мы

тебя

не

могли

найти.

Нигде.

Он положил ладонь ей на плечо. Дея почувствовала, как она дрожит.

—

Я

же...

Она оглянулась на дорожку. Но там было нечего показать. Мама обняла её. Папа обнял их обеих. Кто-то возле подъезда крикнул:

—

Нашлась!

Дея стояла между родителями с поднятыми руками. Не знала, кого обнять первым. Потом обняла обоих.

—

Мам,

я

здесь.

—

Знаю.

Но мама почему-то не отпускала.

ГранГрем говорил, что время в сказочном мире идёт иначе. Раньше Дея возвращалась, и здесь почти ничего не менялось. Мама была на скамейке. Дети играли. Можно было подумать, что Дея просто ненадолго отвернулась. В последний раз мама уже успела испугаться. Тогда Дея заметила это. Но ей так хотелось снова увидеть ГранГрема, что опасная мысль осталась где-то сбоку. Маленькая, неудобная. Дея прошла мимо неё, как проходят мимо камешка на дорожке.

Теперь камешек стал огромным. Мама искала её. Папа искал. Все эти люди с фонариками ходили по дворам, пока

Дея разглядывала бутылки с ветром. Она прижалась щекой к маминой куртке. ГранГрем ошибся. Наверное, ошибся. Ей очень хотелось, чтобы всё объяснялось именно так. Но в памяти уже звучал другой разговор. «Ты ей не рассказал».

«Нет». «Она ребёнок». Дея помнила, как ветер уносил слова. Как взрослые понижали голоса, стоило ей приблизиться.

9

И ещё помнила лицо ГранГрема перед тем, как компас сошёл с ума.

14

—

Я

должен

был

ей

сказать.

Ей. Он говорил о ней. Дея не знала, что именно он собирался рассказать. Не знала, почему дорога оборвалась. Возможно, всё было совсем не так, как ей сейчас казалось. Но маленькая девочка, которая ещё минуту назад держалась за его руку, не могла разобраться во всех этих «возможно». Она знала только одно. Между ними оказался секрет. А она думала, что между ними ничего такого нет.

Первая слеза скатилась неожиданно. Дея моргнула и попыталась вытереть её о плечо. Мама сразу отстранилась, чтобы посмотреть ей в лицо.

—

Что

болит?

Дея покачала головой. Ничего. Или всё. Она сама не понимала. Перед глазами возник ГранГрем: огромные уши, пыльные волосы, привычная складка возле рта, когда он собирался сказать что-нибудь ворчливое. «Я тоже рад тебя видеть». Она ведь так обрадовалась ему. Бежала через площадку, не думая ни о чём. А теперь не знала, как его найти. Компас остался там. Даже спросить было не у чего.

Вторая слеза упала на мамин рукав. Дея попыталась вдохнуть поглубже, как научилась в пещере. Не получилось. Воздух вошёл коротко, неровно. Она уже умела замечать страх. Умела останавливаться и смотреть внимательнее. Но сейчас ей было не просто страшно. Ей было обидно. Так, словно она протянула руку человеку, которому доверяла, а он вдруг спрятал свою. Хотя ГранГрем не прятал руку.

Он тянулся к ней. Дея это помнила. И от того, что обе вещи никак не складывались вместе, становилось ещё больнее. Она сердито вытерла лицо. Хотела сказать ему: «Зачем ты так?»

Хотела услышать ответ. Даже неправильный. Даже тот, на который можно возразить. Но ГранГрема рядом не было. А потом пришла мысль, с которой Дея совсем не знала, что делать.

15

Вдруг больше никогда? Никогда не увидеть. Не спросить. Не услышать его смешное недовольное сопение. Не сказать, как сильно она на него сердится. Вот тогда она заплакала по-настоящему.

Мама опустилась прямо на песок. Прижала дочь к себе, закрывая ладонью её затылок.

—

Всё...

Я

здесь.

Папа

здесь.

Дея слышала. Но плач уже не слушался. Воздух входил рывками. Горло сжималось. Чем сильнее она пыталась сказать хоть что-нибудь, тем громче получался всхлип. Папа осторожно провёл рукой по её плечам, по спине.

—

Ты

не

ударилась?

Где
ты
была?

Дея открыла рот. И не смогла ответить. Как объяснить, что она была далеко и совсем рядом? Что потерялась не она? Что там остался кто-то, за кем идут?

—
Дай
ей
выдохнуть,

—
тихо
сказала
мама.

Папа замолчал. Снял куртку и накрыл Дею поверх маминей руки. Люди подходили ближе, но уже не торопились. Женщина с телефоном отвернулась и кому-то сказала:

—
Да,
нашли.
С
родителями.
Да.

Мальчик стоял возле своей мамы с зелёным ведёрком. Смотрел на Дею. Потом на песочницу. Он ведь тоже видел, что её там не было. Но сейчас никто не спрашивал, как она

появилась. Этот вопрос никуда не исчез. Просто пока стоял в стороне.

11

Мама целовала Дею в волосы и повторяла:

16

—

Всё

хорошо.

Всё

хорошо.

Дея уткнулась ей в шею. От мамы пахло домом. Знакомым кремом. Курткой, которую Дея много раз обнимала. Здесь было тепло. Здесь её держали. Она чувствовала это — и всё равно плакала. Взрослые, наверное, думали, что она испугалась, оставшись одна. Что не могла найти дорогу обратно. Никто не знал про каменный дом над облаками. Про человека, который слышит ветер.

Про маленького косматого ГранГрема, чьи пальцы скользили по её рукаву. Дея плакала не только потому, что потерялась. Она плакала потому, что потеряла. И объяснить эту разницу не могла.

Домой они шли втроём. Мама держала Дею за одну руку. Папа — за другую. За спиной оставались голоса. Кто-то ещё звал тех, кто ушёл искать в соседние дворы. В одном из окон

открылся балкон, и женщина сверху спросила:

—

Нашлась?

—

Нашлась,

—

ответил

папа.

Женщина прижала руку к груди и скрылась за дверью. Раньше Дея любила идти между родителями. Можно было повиснуть на их руках, поджать ноги, попросить поднять повыше. Сейчас она просто переставляла ноги. На лестнице загорелся свет. Щёлкнул замок. Квартира встретила их обычным запахом и оставленной на столе чашкой. Папа включил лампы почти во всех комнатах. Света стало слишком много.

Мама помогла Дее снять куртку, проверила колени, ладони, маленькую царапину возле запястья.

—

Здесь

больно?

Дея покачала головой.

12

—

Пить

хочешь?

Она снова покачала. Мама всё равно принесла воду. Дея выпила несколько глотков. В тишине было слышно, как край стакана едва заметно стукнул о её зубы. Телефон продолжал звонить.

—

Да,
дома.

—

Нашлась.

—

Пока
не
знаем.

—

Спасибо
вам.

Эти слова мама повторяла разным людям, и после каждого разговора смотрела на Дею. Будто ещё не привыкла, что теперь достаточно повернуть голову — и дочь здесь.

Папа стоял в прихожей. Говорил негромко, но Дея слышала.

—

Нет.
Никто

не
видел,
откуда
она
пришла.
Пауза.

—

В
песочнице.
Он провёл ладонью по лицу.

—

Я
понимаю.
Мы
там
смотрели.
Несколько
раз.

Дея подняла глаза. Папа заметил. Несколько секунд они смотрели друг на друга. В его лице больше не было того испуга, который она увидела на площадке. Не совсем. Испуг будто ушёл глубже. Теперь он прятался в том, как папа задерживал взгляд на её лице, как прислушивался к каждому движению, как не отходил далеко. Он хотел что-то спросить. Дея это почувствовала.

Но папа только сказал:

—

Вода
ещё
нужна?

Она покачала головой. Он кивнул. Вопрос остался между ними.

13

18

В своей комнате Дея сразу увидела игрушки. Куклу на кровати. Кубики возле стены. Знакомую книжку, раскрытую обложкой вверх. Всё было там, где она оставила. Красную лопатку папа поставил возле ведёрка. На её совочке засохла тонкая полоска грязи. Не песок с площадки — что-то серое, с крошечными камешками. Дея провела по ней ногтем. Одна крупинка упала на пол. Значит, всё было.

Она действительно стояла возле Дома на краю ветров. ГранГрем действительно был рядом. Дея машинально сунула руку в карман. Пальцы нашли шов, складку ткани, маленькую песчинку. Больше ничего. Она проверила другой карман, хотя знала, что искать там нечего. Потом села на кровать.

—

ГранГрем?

Сказала почти без звука. И всё-таки подождала. В кухне зашумела вода. В прихожей папа открыл дверь кому-то из со-

седей. За стеной коротко засмеялся телевизор. Никто не ответил. Дея посмотрела на окно. В стекле отражалась её комната. Полка. Лампа. Маленькая девочка на краю кровати.

—

Ты

сказал,

мама

не

заметит. Она сжала край покрывала.

—

А

она

заметила.

Это прозвучало гораздо хуже, чем сердитое обвинение. Потому что было правдой. Мама заметила. Папа заметил. Весь двор заметил. Дея опустила голову.

—

Ты

меня

обманул.

Сразу после этих слов ей захотелось услышать: «Нет». Пусть ГранГрем появится и скажет, что она всё неправильно поняла. Пусть начнёт объяснять. Долго. Даже своими сложными словами. Она готова была слушать. Но комната оставалась комнатой. Дея вытерла глаза ладонью.

—

Тогда
объясни.
14

За окном проехала машина. Свет фар скользнул по потолку и исчез.
19

Мама постучала в открытую дверь. Раньше она не всегда стучала.

—

Можно?

Дея кивнула. Мама села рядом. Кровать немного прогнулась под её весом. Некоторое время они молчали. Мама осторожно сняла с Деиного рукава сухую травинку. Покрутила её между пальцами. Положила на тумбочку.

—

Ты
очень
нас
напугала,

—

сказала
она.

Не сердито. Устало. Дея опустила глаза. Она снова увидела фонарики. Мамин телефон. Папину руку, которая дрожа-

ла у неё на плече. Ей захотелось спрятаться под одеяло. Сказать, что она больше никогда. Что она плохая. Но тут почему-то вспомнился ГранГрем под деревом. И его маленькие руки у двери, про которые она тогда спрашивала. Дея посидела ещё немного. Потом сказала:

—

Я
не
хотела.

—

Я
знаю.

—

Я
думала,
быстро.

Мамина ладонь остановилась на её волосах.

—

Куда
ты
ходила?

Дея сжала губы. Перед глазами был высокий обрыв. Развевающиеся ленты. Лицо хозяина ветров. Она не знала, с какого слова начать, чтобы всё остальное не стало звучать как выдумка. Мама подождала.

—

Мы
ещё
поговорим,

—

сказала
она
наконец.

—

Но
уходить
одной
нельзя.

Даже
если
думаешь,
что
ненадолго.

Я
должна
знать, где ты.

Дея кивнула. Потом тихо произнесла:

—

Прости.

15

Мама обняла её.

Главное,
что
ты
здесь.

Дея уткнулась ей в плечо. Мамино сердце всё ещё билось слишком быстро. Теперь Дея знала, что приключение не заканчивается там, где заканчивается дорога. Пока она уходила, здесь оставались люди. Они не видели ни леса, ни гор, ни ГранГрема. Они видели пустую песочницу.

Этой ночью Дея спала между мамой и папой. Так решили взрослые. Она не спорила. Красная лопатка осталась в детской. Дверь туда не закрыли. Из коридора падала узкая полоска света. В её конце было видно край полки и одну куклину ногу, свесившуюся с кровати. Мама долго не засыпала. Стоило Дее пошевелиться, её ладонь сразу касалась плеча. Проверяла. Здесь ли.

Папа лежал тихо, но Дея слышала, что он тоже не спит. Однажды он встал, прошёл в прихожую. Щёлкнул замок. Потом ещё раз — папа проверил ручку. Вернулся. В другой вечер этот звук ничего бы не значил. Теперь Дея прислушалась к нему. Дверь была закрыта. Все были дома. И всё равно никто не чувствовал себя совсем спокойно.

Она лежала с открытыми глазами. Сначала старалась сердиться. Вспоминала, как ГранГрем отводил взгляд. Как просил не задавать вопросов. Как говорил хозяину: «Не здесь». Сердиться получалось. Потом вспоминала его руку. Он ведь пытался удержать её. Не отпихнул. Не отвернулся. Потянулся следом. Дея повернулась на бок. Мама сразу поправила одеяло. Если ГранГрем хотел, чтобы она ушла, почему у него было такое лицо?

Если не хотел — почему она здесь? Дея не знала. И больше всего ей хотелось не разгадать тайну. Не добаться до Сердца

16

Дорог. Не увидеть ещё что-нибудь необыкновенное. Ей хотелось, чтобы он был рядом и ответил сам. Пусть даже она сначала на него накричит. Пусть скажет всё, что накопилось. Пусть он выслушает. Но для этого его нужно было снова увидеть.

21

Она закрыла глаза. Под веками сразу возникло самое страшное: больше никогда. Дея нащупала мамину руку и крепко сжала. Мама сжала в ответ. Только после этого девочка смогла немного выдохнуть.

К ночи звонки прекратились. Погас свет на кухне. За окном перестали хлопать двери машин. Дея уснула не сразу.

Несколько раз проваливалась в сон и вздрагивала, чувствуя, будто пальцы снова выскальзывают из чужой ладони. Каждый раз мама была рядом. Потом сон всё-таки стал глубоким. В детской стояла красная лопатка. На полу возле неё лежала крошечная серая крупинка. Ни стрелки.

Ни тихого щелчка. Ничего, что могло бы подсказать дорогу обратно.

А далеко оттуда, в доме над облаками, всё ещё звенело стекло. Ветер ослаб, но канаты на крыше время от времени гудели, и ГранГрем каждый раз поднимал голову. Он сидел у стола. Перед ним лежал открытый компас. Теперь, когда больше не нужно было держаться на ногах и перекрикивать бурю, стало слышно, как тяжело он дышит. Край крышки оставил красную полосу на ладони.

ГранГрем не замечал её.

—

Дея,

—

сказал

он.

Стрелка не двинулась. Он осторожно коснулся ободка.

—

Ты

же

нашёл

ей

дорогу

домой.

Хозяин ветров стоял у окна. Не перебивал.

17

—

Найди

ещё

раз.

18

22

За стеклом шевельнулся флюгер. ГранГрем наклонился ниже.

—

Пожалуйста.

Долго ничего не происходило. Потом стрелка дрогнула. Совсем немного. ГранГрем перестал дышать. Стрелка медленно повернулась, остановилась и опять качнулась, словно пыталась удержать направление, которого на здешних дорогах не было. Хозяин подошёл к столу. Посмотрел. Но компаса не коснулся.

—

Видишь?

—

прошептал

ГранГрем.

Впервые после исчезновения Деи в его голосе появилось что-то, кроме страха. Хозяин не ответил сразу. Прислушался к дому. На верхней полке тихо звякнула тёмная бутылка. ГранГрем поднял глаза.

—

Теперь
расскажи
мне,

—

сказал
он.

—

Всё.

А Дея спала между мамой и папой и не знала, что её тоже ищут. ...

КНИГА ВТОРАЯ · ГЛАВА ВТОРАЯ

23

**По ту сторону
ветра**

Когда Дея исчезла, ветер остановился. Не постепенно. Ещё мгновение назад вокруг Дома на краю ветров вращались сотни флюгеров, хлопали полоски ткани, звенели бутылки, натягивались канаты на крыше. А потом всё замерло. Полосы выпцветшей ткани повисли вдоль шестов. Последний колокольчик ещё качнулся, но уже беззвучно. Над зубчатой стеной гор лежали длинные облачные пласты; в просветах между ними темнели ущелья, до которых не долетало даже эхо. На мокрой плите у порога медленно расправлялась круглая лужица. Только что по ней бежала рябь. Теперь в ней неподвижно отражался медный петух на крыше.

После оглушительного гула тишина давила на уши. ГранГрем слышал собственное дыхание — короткое, с хрипом, словно воздух здесь внезапно стал слишком тонким. Даже компас перестал дрожать. ГранГрем стоял посреди двора и смотрел туда, где секунду назад была Дея. Рука его всё ещё

19

оставалась протянутой. Пальцы сжимали воздух. Он почти успел. Ему казалось, что он почувствовал ткань её рукава.

24

Может быть, действительно почувствовал. Теперь там ничего не было.

—

Дея?..

Он сказал это совсем тихо. Будто она могла просто оказаться за его спиной. ГранГрем резко обернулся. Пусто.

—

Дея!

Он бросился к краю двора. Заглянул за дом. Потом обратно. Это было бессмысленно, и он это прекрасно понимал. Дея не спряталась. Дея ушла по дороге. По дороге, которую открыл он сам. За углом пахло холодным камнем и мокрой верёвкой. В узком проходе между стеной и обрывом лежала сорванная лента. ГранГрем наклонился к ней раньше, чем понял, что это не голубой рукав. Пальцы замерли над пустой

тканью.

Он вернулся во двор медленнее. Всё стояло на прежних местах: ступени, бочка у водостока, крючок с фонарём. От этого исчезновение казалось ещё невозможнее. Такой маленькой была Дея — и таким огромным оказалось место, которое она оставила после себя. Хозяин ветров всё это время стоял возле двери. Наконец произнёс:

—

Она дома.

ГранГрем

обернулся.

—

Ты

уверен?

—

Нет.

Это был ужасный ответ. ГранГрем подбежал к нему.

—

Тогда

зачем

говоришь?!

—

Потому

что

именно

туда

ты
хотел
её
отправить. ГранГрем замер.

—
Я
не
хотел.

Хозяин ветров посмотрел на него.
20

—
Хотел.
25

—
Нет.

—
Не
словами.
Он кивнул на компас.

—
А
ему
слова
не
особенно

нужны.

Хозяин отступил от порога, пропуская его внутрь. Половица под ногой ГранГрема жалобно скрипнула. Здесь ещё сохранялось тепло, пахло воском, сухими травами и старым деревом. На столе лежала раскрытая карта; её угол подрагивал у щели в оконной раме. Позже ГранГрем сел перед компасом и позвал Дею снова. Просил найти её. Стрелка ненадолго качнулась, и он ухватился за это движение, как за протянутую руку. Но направления она не удержала: вздрогнула ещё раз и опала. Теперь даже эта слабая надежда исчезла.

—

Теперь расскажи мне. Всё, — потребовал он. Хозяин придвинул

стул,

но

не

сел.

Разговор,

которого

ГранГрем

добивался,

начался

совсем

не

с

той

тайны,

о

которой

он хотел услышать.

ГранГрем посмотрел вниз. Компас лежал в его руке. Стрелка больше не вращалась. Она застыла. Совершенно неподвижно. Он качнул компас. Постучал пальцем по стеклу. Ничего. Перевернул. Стрелка даже не дрогнула. Хозяин ветров наблюдал молча. ГранГрем попробовал ещё раз.

—

Ну

же.

Компас оставался мёртвым. И тогда Хозяин спросил:

—

Сколько лет?

ГранГрем

не

ответил.

—

Сколько

лет

ты

пытался

его

разбудить?

—

Не
начинай.

—

Двадцать?
ГранГрем сжал компас.
21

—

Я
сказал:
не
начинай.
26

—

Пятнадцать?

—

Хватит.
Хозяин ветров подошёл ближе.

—

А
рядом
с
ней
он
проснулся
сразу.

ГранГрем поднял глаза. В них появилось что-то совсем нехорошее. Не злость. Страх человека, вслух услышавшего то, о чём давно старался не думать.

—

Я
не
знал.

—

Сначала — нет. ГранГрем
молчал.

—

А
потом?

Ветер тихо прошёл вдоль стены дома. Один флюгер повернулся. Потом снова замер.

—

Потом
начал
догадываться.

—

Когда?

—

В
Лесу.

—

И

продолжил
путь.

—

Она
сама
хотела
идти.

Хозяин ветров ничего не сказал. Этого оказалось достаточно. ГранГрем отвёл взгляд.

—

Она
могла
отказаться
в
любой
момент.

—

От
чего?
Он посмотрел на ГранГрема.

—

Ты
рассказал
ей,
от
чего

именно

она

могла

отказаться? ГранГрем молчал. Теперь вопрос прозвучал ещё тише:

—

Ты

сказал

ей,

что

без

неё

компас

почти

не

работает?

Нет.

—

Сказал,

что

за

все

эти

годы

он

ни

разу

не

показывал

тебе дорогу так, как показывает рядом с ней?

Нет.

22

—

Сказал,

что

именно

поэтому

ты

продолжаешь

вести

её

к

Сердцу?

27

—

Я

не

веду

её

поэтому.

—

Только
поэтому?

—

Нет!

ГранГрем наконец сорвался.

—

Конечно

нет!

Дом ответил лёгким звоном стекла. Он провёл ладонью
по лицу.

—

Сначала

я

вообще

не

понимал,

что

происходит.

Компас

выбрал её. Не я. Я только...

Он остановился.

—

Только

что?

ГранГрем посмотрел на неподвижную стрелку.

—

Обрадовался.

Слово повисло в тесной комнате. ГранГрем слышал, как на полке тоненько позванивает стеклянная пробка. Раньше этот звук показался бы уютным. Теперь хотелось остановить его ладонью. Он вспомнил первый уверенный поворот стрелки, дорогу, проступившую там, где годами была только глухая земля. Вспомнил, как боялся моргнуть. А рядом девочка спрашивала о чём-то простом, детском — и ждала честного ответа. Он так долго смотрел на открывшийся путь, что позволил себе не смотреть на цену этого чуда.

Вот теперь прозвучала правда. Хозяин ветров ничего не сказал.

—

Ты
не
понимаешь,

—

продолжил
ГранГрем.

—

Он
молчал столько лет. Я пробовал всё. Старые дороги. Двери.

Перекрёстки. Я носил его туда, где когда-то ходил с... Он не договорил.

—

Ничего.

ГранГрем постучал пальцем по крышке.

23

—

Просто

кусок

металла.

28

Он посмотрел туда, где исчезла Дея.

—

А

потом

появилась

она.

В первый раз за много лет стрелка ожила. Сначала немного. Потом сильнее. А когда Дея брала компас в руки, он начинал находить дороги, которых ГранГрем уже давно не видел. Точно так же он работал когда-то. Когда ГранГрем был маленьким. До двери. До Того, Кто Идёт Следом. До того, как всё закончилось. Или, как теперь выяснялось, возможно, не закончилось вовсе.

—

Она

как

путеводная

звезда,

—

тихо

произнёс

Хозяин

ветров.

ГранГрем резко посмотрел на него.

—

Не

называй

её

так.

—

Почему?

—

Потому

что

она

не

вещь.

—

Я

этого

и

не

говорил.

—

Тогда

не

говори

так.

Хозяин ветров долго смотрел на него.

—

Вот

только

ты

сам

начал

обращаться

с

ней

именно

так.

Эти слова ударили сильнее, чем ГранГрем ожидал. Он от-
вернулся.

—

Я

её

защищал.

—

Конечно.

—

Защищал!

—

Верю.

Хозяин ветров подошёл к одной из стен. На полках дрожали десятки бутылок.

—

Самые

опасные

поступки

часто

начинаются

с

очень

хорошего объяснения.

ГранГрем ничего не ответил.

—

«Я

делаю

это

ради

неё».

24

Тишина.

29

—

«Ей
пока
лучше
не
знать». ГранГрем сжал челюсть.

—
«Я
всё
исправлю
раньше,
чем
она
заметит».

—
Хватит.

—
«Я
не
хотел
её
пугать».

—
Хватит!
Несколько маленьких бутылок звякнули друг о друга.
Хозяин ветров повернулся.

Долина
тебя
всё-таки
не
отпустила.
ГранГрем застыл.

—

Что?

—

Я
думал,
ты
прошёл
её.

—

Я
прошёл.

—

Вышел

—

да.
Он посмотрел на ГранГрема внимательнее.

—

А
прошёл
ли?

ГранГрем вспомнил Долину. Траву. Дерево. Дею рядом. Её вопрос: «Ты специально это сделал?» И своё собственное решение. Не мучить себя за то, чего он не мог изменить. Тогда это казалось правильным. Наверное, и было правильным. Но где проходила граница? Когда перестать обвинять себя превращается в способность оправдать себя? Он не знал. И впервые после Долины эта мысль действительно его испугала. Перед глазами на миг возникла нагретая солнцем трава.

Шелестели длинные стебли, по коре дерева полз маленький жук. Там Дея сидела рядом, пока он не мог подняться под тяжестью давнего горя. Она не торговалась за свою доброту и не требовала сначала стать удобным другом. Тогда он был ребёнком у страшной двери. Теперь — тем, кто знал больше и всё равно молчал. Разница была такой ясной, что от неё

25

нельзя было спрятаться даже за памятью о семье. ГранГрем опустил глаза. Крышка компаса вдавилась в ладонь; он разжал пальцы, и боль стала острее.

30

—

Я

не

использовал

её.

Хозяин ветров подошёл ближе.

—

Тогда

почему

она

не

знает? ГранГрем не ответил.

—

Вот

и

всё.

Некоторое время слышался только ветер. Потом ГранГрем спросил:

—

Ты

говорил,

что

ветер

помнит

ту

ночь.

Лицо Хозяина изменилось. Совсем немного. Но ГранГрем заметил.

—

Помнит.

—

Что
произошло
после
того,
как
дверь
закрылась?

Хозяин ветров не ответил сразу. Он прошёл вдоль полки.

Остановился возле самой верхней. Там стояла старая тёмная бутылка. Без надписи. Только дата. Та самая, которую раньше заметила Дея. На плечиках бутылки лежала серая пыль.

26

Тёмное стекло не отражало пламя так, как соседние сосуда: огонёк будто проваливался в него и гас. Узкая полоска бумаги с датой отклеилась у края. ГранГрем помнил этот край — помнил, как Дея подняла голову и хотела спросить.

31

Внутри ничего нельзя было разглядеть. И всё же ему чудилось, что там осталось тесное, душное пространство его детства: косяк под ладонью, запах отцовской одежды, красный шарф сестры. Он не знал, были ли эти воспоминания только его собственными. От одной возможности услышать ещё хоть слово у него пересохло во рту. ГранГрем смотрел на неё.

—

Это
оттуда?

—

Да.

Он почувствовал, как внутри всё сжалось.

—

Ты
всё

это
время
её
хранил?

—

Да.

—

Почему ничего мне не сказал?

Теперь

уже

Хозяин

ветров

отвёл

взгляд.

—

Потому

что

не

был

уверен,

что

имею

право. ГранГрем усмехнулся. Невесело.

—

Забавно.

—

Что?

—

Именно

это

я

говорил

себе

про

Дею.

Хозяин ничего не ответил. ГранГрем подошёл к полке.

—

Открой.

—

Нет.

—

Открой

её.

—

Не

сейчас.

—

Ты

только

что

полчаса

объяснял

мне,
как
плохо
скрывать
правду.

—

И
всё
равно
говорю:
не
сейчас.

—

Почему?
27

Хозяин посмотрел в окно.
32

—

Потому
что
сначала
тебе
нужно
выжить.

Первый флюгер повернулся на крыше. Резко. С металлическим скрипом. ГранГрем поднял голову. Второй повернулся следом. Потом третий. Все они смотрели в одну сторону. Назад. Туда, откуда пришли путешественники. Скрип прокатился по крыше от одного крепления к другому. Не беспорядочное хлопанье железа на ветру — последовательный, размеренный поворот. В оконном просвете ГранГрем увидел: облака уходили вправо, а узкие металлические стрелы упрямо смотрели влево.

Между дальними склонами темнела дорога. Ещё недавно по ней шли двое. Теперь над одним из поворотов словно стёрли кусочек неба. В этом месте не было ни тумана, ни скалы — только чёрный разрыв, от которого хотелось отвести глаза. Звон бутылок постепенно стихал. Дом прислушивался. Хозяин ветров побледнел.

—

Быстро.

—

Что?

—

Уходи.

ГранГрем мгновенно достал компас. Стрелка не двигалась.

—

Насколько

он

близко?

—

Уже

неважно.

—

Насколько?!

Хозяин ветров подошёл к окну. Открыл. И сразу захлопнул обратно.

—

Слишком.

ГранГрем уставился на компас. Раньше он хотя бы предупреждал. Дрожал. Менял направление. Показывал приближение Того, Кто Идёт Следом. Теперь — ничего. Потому что Деи не было. И впервые ГранГрем полностью

28

понял, насколько привык к её присутствию. Не только к разговорам. Не только к смеху. Не только к маленькой руке, которая иногда сама находила его пальцы. Рядом с Деей мир был понятнее.

33

Дороги — виднее. Опасность — слышнее. Теперь он снова оказался тем ГранГремом, которым был много лет. Один. И почти слепой. Снаружи что-то ударило в стену. Дом вздрогнул. По штукатурке над дверью побежала тонкая трещинка. Из неё посыпалась сухая белая пыль. Удар пришёл

не сверху, как порыв бури, а сбоку, почти на уровне пола. Внутри стены что-то глухо протянуло по камню. ГранГрем отступил и ударился пяткой о ножку стола.

Одна бутылка упала с полки. Хозяин ветров поймал её у самого пола.

—

Уходи!

—

А
ты?

—

Это
мой
дом.

—

Очень
убедительно.

Второй удар оказался сильнее. На этот раз задрожали окна. За стеклом мелькнула тень. Не человеческая. Но уже гораздо ближе к человеку, чем раньше. ГранГрем увидел плечо. Руку. Пальцы. На мгновение даже показалось, что на них была кожа. Потом ветер сорвал форму, и рука снова превратилась в чёрную рваную полосу. ГранГрем узнал не очертания. Он узнал то, как возле них становилось тихо. Так же когда-то затих дом его родителей перед последним ударом в дверь. Тело вспомнило раньше мысли: уши прижались к

волосам, ноги ослабели, воздух застрял под рёбрами.

Если у этого существа появится настоящее тело, оно сможет удержаться у порога. Нажать на ручку. Дотянуться. Не исчезнуть с порывом ветра. ГранГрем смотрел на след, оставленный на запотевшем стекле, и не мог перестать думать

29

о маленькой детской ладони, которую только что выпустил. Хозяин ветров выругался.

34

—

Он

становится

сильнее.

Хозяин сорвал пробку с первой бутылки и направил горлышко в распахнутое окно. Пробка стукнула об пол и покатилась под стол. Из горлышка вырвался ветер. Настоящий северный шквал. Комнату моментально заполнил ледяной воздух. Холод обжёг мокрые щёки. Карта взлетела со стола и прижалась к потолку; связка ключей на груди Хозяина забилась о пуговицы. Из горлышка с тяжёлым свистом вырывалась белёсая струя, расширяясь у окна в широкий вращающийся вал. На раме мгновенно выступил иней. ГранГрем прикрыл лицо локтем. Между пальцами проносились колючие ледяные крупинки.

За окном что-то отбросило назад. Раздался звук, которого ГранГрем никогда раньше не слышал. Не крик. Скорее шорох сотен голосов одновременно.

—

Что

ты

делаешь?!

30

—

Даю

тебе

время.

35

Хозяин схватил вторую бутылку. На этикетке было написано: Шторм над морем. Не открывать рядом с крышей.

—

Это

вообще-то

рядом

с

крышей!

—

крикнул

ГранГрем.

—

Сейчас
не
время
придираться!

Пробка вылетела. Дом содрогнулся. За стенами заревел шторм. Вода ударила в окна, хотя секунду назад дождя не было. В комнате запахло солью. По полу потекли ручьи, и босые ступни ГранГрема заскользили на досках. За окном исчезли горы: вместо них вздымалась серая водяная стена. Гул шёл низко, через пол и грудную клетку, а над ним пронзительно свистели канаты. Где-то сорвало ставню. Дерево треснуло так громко, что ГранГрем пригнулся.

Тень снаружи снова отбросило. Но всего на несколько шагов. Она удержалась. ГранГрем увидел, как из неё выросли две ноги. Почти настоящие. Они упёрлись в землю.

—
Он
держится!

—
крикнул
ГранГрем.

—
Я
вижу!

Третья банка. Маленькая. Хозяин сорвал крышку. Из неё вырвался горячий сухой ветер пустыни. Воздух заполнил-

ся песком. Тень исчезла за золотистой стеной. Жар ударил
вслед за холодом. Песок зашуршал по стеклу, застучал по
полкам, закрипел на зубах. В свете лампы кружилась густая
рыжая пыль. Хозяин кашлянул, заслонил глаза рукавом и, не
глядя, нащупал следующий сосуд. Движения его уже не ка-
зались лёгкими: пальцы дрожали, плечо судорожно подни-
малось с каждым вдохом. Защитить дом стоило ему сил, ко-
торые не возвращались вместе с новой бутылкой.

—

Теперь!

Хозяин ветров схватил серый мешочек. Тот самый. Ветер
дальней дороги. Мешочек был совсем невелик — серый, по-
тёртый на сгибах. Среди грохота и летящих осколков он

31

выглядел почти нелепо. Но когда Хозяин взялся за узел,
сквозь сырость и песок вдруг потянуло сухой придорожной
травой, нагретой пылью и далёким дождём. ГранГрем на миг
услышал негромкий шелест, словно кто-то прошёл по ли-
стьям там, где ещё не было земли.

36

Развязал синюю нить.

—

За

домом

появится

тропа.

—

Куда?

—

Отсюда!

—

Прекрасное
направление.

—

Сейчас
лучшее
из
доступных!

ГранГрем схватил сумку. Потом посмотрел на старую
тёмную бутылку.

—

Я
вернусь.

Хозяин тоже посмотрел на неё.

—

Лучше
вернись.

Снаружи что-то снова ударило в дом. Одна из балок трес-
нула. ГранГрем побежал. У двери остановился.

—

Если

увидишь

Дею

раньше

меня...

Хозяин ветров посмотрел на него. ГранГрем не сразу продолжил.

—

Скажи

ей

правду. Пауза.

—

Всю?

Это оказалось труднее. ГранГрем закрыл глаза. Потом кивнул.

—

Всю.

И убежал.

32

За домом уже появилась дорога. Узкая. Почти прозрачная. Она висела над облаками и уходила куда-то между двумя далёкими скалами. Края тропы дрожали, просвечивая, как тонкий лёд. Под ними медленно ворочались облачные громады. В глубоких разрывах синела такая высота, что ГранГрем не позволил себе посмотреть туда второй раз. Впереди торчали две острые скалы — одна почти чёрная, другая с бледной полосой снега. Между ними и натягивалась дорога, узкая, без перил, едва шире его плеч.

Первый шаг он сделал вслепую, ожидая провалиться. Под пяткой упруго отозвалась поверхность. Второй шаг дался

легче. Потом он уже бежал, придерживая сумку, и каждый удар ног отдавался сухим коротким звуком, который тут же уносило в пропасть. ГранГрем побегал. С бесполезным компасом в кармане. Без Деи. Не зная точно, куда приведёт путь. Позади ревели сразу несколько ветров. Северный. Морской.

Пустынный. Хозяин открывал бутылку за бутылкой. Дом стоял в центре невозможной бури. А среди неё двигалось нечто чёрное. Каждый порыв отбрасывал его. Каждый раз оно

33

возвращалось. Сначала медленно. Потом быстрее. Оно училось сопротивляться ветру. Оглянувшись, ГранГрем увидел дом целиком — крошечный тёмный остров среди белых струй, серой воды и песчаного золота. Флюгеры вспыхивали над крышей и пропадали. Из окна вырывался свет; рядом с ним двигался худой силуэт.

34

38

ГранГрем споткнулся. Тропа качнулась под ним, и он упал на колено, обдирая ладонь. Компас больно ударил по бедру. На секунду захотелось вернуться — не оставить ещё одного человека за закрывающейся дорогой. Но сзади снова грохнуло, и он поднялся. Теперь нужно было хотя бы не сделать напрасным то время, которое ему отдавали.

Хозяин ветров остался один. Он открыл ещё одну бутылку. Потом другую. Флюгеры вращались так быстро, что превратились в металлические круги. Канаты на крыше натянулись. Стёкла звенели. Тот, Кто Идёт Следом, сделал ещё один шаг. Хозяин посмотрел на полку. На старую бутылку. На дату. Потом на исчезающего вдали ГранГрема.

—

Ну
что
ж,

—

сказал
он.

—

Видимо,
всё-таки
пришло
время
старым
ветрам
снова заговорить.

За окном выросла рука. Пальцы легли на стекло. Оконная рама прогнулась внутрь. Между деревом и камнем выдавило полоску старой замазки. По стеклу медленно расползались пять тёмных следов, и Хозяин вдруг слышал их сквозь бу-

рю: негромкий, почти осторожный скрип. Так мог бы постучать запоздалый гость, если бы не давил на окно всей тяжестью невидимого тела. На этот раз они были почти человеческими. Хозяин ветров посмотрел на них. И улыбаться перестал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.